

18+

Эрнест Пети

**История
герцогов
Бургундских
из Капетингской
династии**

Том 4

Эрнест Пети

**История герцогов Бургундских
из Капетингской династии. Том 4**

«Издательские решения»

Пети Э.

История герцогов Бургундских из Капетингской династии. Том 4 /
Э. Пети — «Издательские решения»,

Четвертый том монографии Эрнеста Пети охватывает 1218–1251 годы: регентство Аликс де Вержи (укрепление герцогства) и правление Гуго IV. Ключевые темы: конфликт с Шампанью, экспансия во Франш-Конте, участие Гуго в двух крестовых походах (1239–1240 и Седьмом), дарование городских вольностей и создание антипапской лиги во главе с Гуго IV.

© Пети Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава XXVII. Регентство герцогини Алисы де Вержи — 1218—1229	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

История герцогов Бургундских из Капетингской династии Том 4

Эрнест Пети

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Эрнест Пети, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-8355-7 (т. 4)

ISBN 978-5-0069-3414-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава XXVII. Регентство герцогини Алисы де Вержи — 1218—1229

Завещание герцога Эда III. — Гийом Шампанский (также известный как Гильом Белые Руки, фр. Guillaume aux Blanches Mains; около 1135 — 1202) — епископ Шартра (1164—1176), архиепископ Реймса, и Роберт Овернский, епископ Клермона, опекуны Гуго IV. — Герцогиня Алиса де Вержи приносит оммаж королю Филиппу-Августу в Париже; она заболевает в Талане. — Ее финансовые затруднения; она прибегает к помощи коммуны Дижона (договор на этот счет). — Заем у сиенских купцов. — Разумная экономия, поправившая финансы. — Крестовый поход и бургундские крестоносцы в 1218 году; отрицательный результат этой экспедиции; поспешное возвращение Эрве, графа Неверского; брак и смерть его зятя Филиппа Французского, брата Святого Людовика; смерть его тестя Пьера де Куртене, графа Осера и Тоннера. — Продолжение распрей между Бланкой, графиней Шампанской, и Эраром де Бриенном; обязательства герцогини Алисы де Вержи; переговоры с бургундскими сеньорами и их разоружение. — Беспорядки в Осеруа; смерть Эрве, графа Неверского. — Герцогиня Алиса присутствует на коронации Людовика VIII. — Покупка графства Бар-сюр-Сен графом Шампанским. — Алиса де Вержи покупает земли в Шалонне и Бонне, принадлежащие дофину Вьеннскому. — Освобождение Сен-Жан-де-Лона. — Герцогиня Бургундская покупает сеньорию Салэн и различные владения в графстве. — Борьба Этьена, графа Осона, семей де Вьенн и де Шалон против Оттона, герцога Меранского; призыв к лотарингцам и Генриху, графу Бар-ле-Дюк, который попадает в плен. — Договор о наступательном и оборонительном союзе между герцогом Меранским и графом Шампанским; временное прекращение борьбы из-за Альбигойской войны; возобновление военных действий; мирный договор, заключенный в аббатстве Беза. — Герцог Меранский закладывает графство Бургундское графу Шампанскому для выплаты выкупа за Генриха де Бар-ле-Дюк. — Алиса де Вержи и Гуго IV присутствуют на коронации Святого Людовика. — Маго де Куртене, графиня Неверская, вновь выходит замуж за Гига, графа Фореза. — Происхождение Паркура Сен-Венса. — Договор между герцогиней Бургундской и двором Шампани; запретительные соглашения относительно брака Гуго IV под гарантию Роберта Овернского, архиепископа Лионского.

Прежде чем покинуть герцогство Бургундское и отправиться в крестовый поход, герцог Эд III оговорил в завещании, текст которого не дошел до нас, что его родственники, Гийом Шампанский, архиепископ Реймса, его дядя, и Роберт Овернский, епископ Клермона, его кузен, будут исполнителями его последней воли [1]. Более того, он доверил им руководство делами герцогства, опеку над своим сыном, заботу о наставлении Алисы де Вержи в вопросах политики и управления, которые были ей совершенно чужды. Поэтому их вмешательство часто упоминается в документах, касающихся малолетства Гуго IV.

Неожиданная смерть Эда III возлагала на обоих прелатов довольно тяжелую ответственность, ибо герцогиня, оставшаяся вдовой в тридцать пять лет, не обладала ни решительностью, ни твердостью духа, необходимыми для ее нового положения. Ее робкий и сдержанный характер составлял разительный контраст с характером энергичной Бланки Наваррской, графини Шампанской, женщины действия; она жила скромно под властью мужа, который был старше ее на семнадцать лет, и никогда не принимала участия в делах управления.

Мы уже видели влияние Гийома Шампанского, архиепископа Реймса, в нескольких обстоятельствах и в различных актах Эда III, главным образом во время развода последнего с Матильдой Португальской. Его возраст и немощи не позволяли ему действовать активно и эффективно для защиты интересов герцогини, и вся тяжесть ложилась на Роберта, епископа

Клермона, сына Роберта Овернского и Матильды Бургундской, лица, тесно связанного с важными событиями той эпохи и глубоко уважаемого покойным герцогом.

В момент своей смерти Эд III также повелел герцогине и исполнителям своего завещания отправить за его счет сто рыцарей в Святую Землю; это бремя, которое ляжет отчасти на провинцию Бургундию, особенно тяжело легло на жителей Дижона [2].

Алиса де Вержи едва успела запечатать гробницу герцога под сводами базилики Сито, как была вызвана королем Филиппом-Августом для принесения ему феодальной присяги. Эд III скончался 6 июля; в течение того же месяца герцогиня находилась в Шампани, направляясь в Париж в сопровождении эскорта бургундских рыцарей: Гийома де Вержи, своего брата, сене-шалья герцогства [3], Понса де Грансе, коннетабля, Роберта де Бона, Ги де Тиля, Эда де Грансе, Клерамбо де Шаппа, Гуго де Лорма, Жана де Шатонефа [4]. На встрече, которую она имела с графиней Шампанской, Алиса, по совету Роберта Овернского, обязалась служить Бланке Наваррской и ее сыну Тибо против поползновений Эрара де Бриенна и его приверженцев [5]; ее брат Гийом де Вержи дал подобное заявление [6].

В августе все эти лица были приняты при французском дворе в Париже. Принося присягу верности Филиппу-Августу, герцогиня поклялась, что не вступит в новый союз без формального согласия короля, и вышеупомянутые рыцари приложили свои печати к этому обязательству. Вернувшись в Дижон в течение того же месяца, она сообщила своим баронам, сержантам и горожанам о принятых на себя обязательствах и приказала зарегистрировать их в главных городах герцогства [7]. Но вскоре она ощутила последствия этих потрясений и волнений; в сентябре она заболела и была вынуждена соблюдать постель в своем замке Талан, откуда послала одного из своих офицеров принести оммаж от ее имени Дюрану, епископу Шалона-на-Соне [8].

Предстояло немало потрудиться, чтобы привести в равновесие бюджет герцогства, и время поджимало. Долги, накопленные непрерывными войнами и плохим управлением Гуго III, еще не были ликвидированы к моменту смерти Эда III. Напротив, они еще более возросли, что вызывало тревогу, из-за расходов, вызванных последними кампаниями и подготовкой к крестовому походу. Необходимость отправить сто рыцарей в Святую Землю за счет герцогской казны создавала новые затруднения, с которыми было невозможно справиться. Уже давно были использованы и учтены доходы от сумм, причитавшихся за различные освобождения городов, которые составляли один из самых чистых и регулярных доходов герцогства; пришлось прибегнуть к обременительным займам. В июне 1219 года герцогиня получила от Понса де Шапонне из Лиона пятьсот ливров провенской монеты, за которую поручилась графиня Шампанская [9], а также тысячу марок серебра, которые вскоре после того она получила от того же заимодавца [10]. Затем прибегли к помощи аббатств; монахи Лонге предоставили сто франков [11]; монахи Сен-Сена, Сен-Бенинь, Сито, Фонтене оказали помощь на более или менее значительные суммы [12]; пришлось обратиться к кошелькам частных лиц, сержантов и прево; Эд III не гнушался посылать даже в Осер, чтобы занять у Коляна де Шатийона, прево этого города, сумму в сто франков, которая была возвращена лишь в конце 1219 года [13].

Когда все эти средства были исчерпаны, только коммуна Дижона могла вмешаться эффективно и вывести герцогиню из затруднений. Бургундский обычай предоставлял феодальным сеньорам право налагать, то есть взимать экстраординарный налог в четырех случаях и, в частности, в момент экспедиции в Святую Землю. Этой прерогативой воспользовались, чтобы потребовать субсидий у жителей Дижона. Положения хартии 1187 года были категоричны: было совершенно условлено, что после уплаты суммы в пятьсот марок серебра коммуна будет освобождена от всякой иной повинности. Тщетно должностные лица требовали уплаты этого нового налога — жители отказались. Насилие также не помогло; были арестованы несколько горожан, попытались помешать сбору винограда, но жители Дижона призвали к вмешательству сеньоров, которые поставили свои имена и печати под хартией освобождения.

Последовало соглашение, по которому коммуна согласилась помочь герцогине, а та, со своей стороны, обязалась уважать ее привилегии и свободы до тех пор, пока будет иметь опеку над сыном. Филипп-Август подтвердил эту сделку [14], как и епископы и главные сеньоры провинции. Нужды были срочны, так как в декабре 1220 года [15] Алиса де Вержи, по получении писем короля и папы, доставленных ее камергером Жерве Шошаром, потребовала от коммуны немедленно уплатить сумму в восемьсот ливров Мессе, еврею из Санса, и обещала ничего не требовать по уплате еще причитавшихся ей с дижонцев семнадцатисот марок до тех пор, пока ей не будет возвращен договор, который она только что заключила с ними под гарантию епископов герцогства.

Эти полумеры были лишь паллиативами, не позволявшими погасить общую задолженность. Чтобы покончить с этим, Роберт Овернский, епископ Клермона, посоветовал герцогине взять заем, чтобы удовлетворить прежних кредиторов. По договору, заключенному в апреле 1222 года в Бар-сюр-Сене с шестнадцатью купцами и гражданами города Сиены [16], удалось сначала собрать пятьсот ливров, за которые поручился граф Тибо Шампанский, а затем огромную для того времени сумму в одиннадцать тысяч семьсот двадцать ливров провенской монеты, гарантом которой выступил Миль, сеньор де Нуайе. Погашение должно было производиться в последующие годы четырьмя платежами на ярмарках Бар-сюр-Сена и Сент-Айуля в Провене, и за четыре дня до того, как будет возгласено «Аро! Аро!» Миль де Нуайе обязался в случае спора добровольно стать узником и в качестве заложника прибыть в Труа по усмотрению займодавцев; он соглашался быть отлученным от церкви вместе с женой и детьми, если условия платежа не будут строго соблюдены [17].

Хорошее управление и разумная экономия, которые герцогиня внесла в ведение дел герцогства, позволили довольно быстро выплатить эти долги. Финансовое положение даже было таково, что уже в октябре 1225 года [18] Алиса де Вержи смогла выкупить от имени сына, за три тысячи триста марок серебра, и выплатить их менее чем через два года [19], все земли в Шалонне и Бонне, которые дофин Вьеннский все еще удерживал в своем уделе со времени раздела с герцогом Эдом III, своим братом.

Это стало для финансов герцогства началом состояния процветания, неведомого до тех пор герцогам Бургундским; благодаря этому хорошему управлению Гуго IV по достижении совершеннолетия нашел сундуки казны хорошо наполненными. С этого времени начинаются те приобретения замков, доменов и земель, которые составляли истинную сеньориальную власть в средние века. Многочисленные при Гуго IV, эти приобретения последовательно продолжают Робертом II и его преемниками с такой большой активностью, что Бургундия станет не просто провинцией, но почти государством, когда герцоги второй королевской династии вступят во владение ею.

Похороны герцога Эда III лишь ненадолго отсрочили отплытие бургундских крестоносцев в Святую Землю. Эрве де Донзи, граф Неверский, давно уже сделавший многочисленные приготовления, собирался отплыть с женой Маго и многочисленной свитой рыцарей; монастыри этой области получили важные завещания от сеньоров, желавших привлечь небесные благословения на исход этого дальнего путешествия. Буллой от 5 июля 1218 года папа Гонорий III предоставил Эрве экстраординарный налог на церковные бенефиции его доменов, налог, названный *vicésima*, по аналогии с десятиной (*décima*), которую он удваивал. Часть сборов также должна была предназначаться восьми рыцарям, на которых возлагалась защита интересов графства Невер в его отсутствие [20].

В следующем месяце крестоносцы, разместившиеся в Генуе, получили от папы письмо, побуждавшее их отправиться в Дамьетту [21].

Однако необходимость дожидаться последних запоздавших не позволила им покинуть Геную раньше сентября, даты завещания Эрве Неверского и Маго [22], собиравшихся выйти в море. Денежные субсидии, обещанные крестоносцам, особенно сильно запаздывали; тщетно

граф Неверский неоднократно писал об этом папе, были выплачены лишь суммы, совершенно недостаточные для приведения в движение такого множества рыцарей.

Первая и главная группа крестоносцев, прибывшая под стены Дамьетты, спустя четыре месяца все еще не получила обещанных средств. 13 февраля 1219 года Гонорий III напоминал духовенству епархии Невера о его обязанностях и рекомендовал проявить больше усердия в уплате двадцатой части десятины, взимаемой с церковных бенефиций, чтобы помочь баронам, не поколебавшимся подвергнуть свою жизнь опасности на службе Христу [23].

Бургундские рыцари, чьи имена мы привели в предыдущей главе и которые тогда готовились к отплытию, были не все готовы к этой первой погрузке. Миль, граф де Бар-сюр-Сен, и его сын Гоше еще находились на генеральном капитуле в Сито 14 сентября [24]; Андре де Монбар, сеньор д'Эпуас [25], Миль де Сен-Флорантен, сеньор де Пюи, Эрар де Шасне и некоторые другие присоединились лишь позже и постепенно.

Не вдаваясь в подробности экспедиции, результаты которой были почти ничтожны, если не сказать пагубны, нельзя не упомянуть, что крестоносцы, собравшиеся под Дамьеттой на Пасху 1219 года [26], дали бой сарацинам 29-го числа того же месяца. Эд де Шатийон-ан-Базау, Андре де Монбар, сеньор д'Эпуаса, и его тесть Жан, сеньор д'Арси-сюр-Об и де Пизе, близ Монреаля, были взяты в плен [27]. Последний умер вследствие своего пленения, и его братья вступили в наследство [28]. Андре, сир д'Эпуас, еще не обрел свободу пять месяцев спустя, когда сделал дарение рыцарям Храма Иерусалимского [29]. Понс де Грансе, коннетабль Бургундии, Эд де Шатийон-ан-Базау, Итье де Туси, женатый на Беатрисе де Реон, в первом браке вдове Александра Бургундского, Гуго, сын Кало де Грансе, Миль, граф де Бар-сюр-Сен, и его сын Гоше [30] не увидели больше родной земли.

Остальные лица, упомянутые среди крестоносцев, появятся впоследствии в более поздних документах. Современные хронисты, такие как Гийом Тирский [31], а вслед за ними и современные историки, много упрекали Эрве де Донзи, графа Неверского, за его поведение под Дамьеттой, его поспешный отъезд из Святой Земли и оставление своих соратников беззащитными среди неверных. И те, и другие, по-видимому, не знали о многочисленных и веских причинах, требовавших скорейшего возвращения графа Неверского в свои владения. Нужда в деньгах была настоятельной, так как поступление средств, обещанных с церковных бенефиций, осуществлялось очень нерегулярно, несмотря на приказы папы, и адресаты получили лишь малейшую часть. Две более серьезные новости должны были достичь Эрве в течение августа: смерть его зятя Филиппа Французского, женатого на его единственной дочери Аньес [32], и смерть его тестя Пьера де Куртене, императора Константинопольского, графа Осера и Тоннера, который, как говорили, только что скончался в греческих застенках.

Брак внука Филиппа-Августа был решен в Мелене еще в 1215 году, во время Пуатуйской кампании, и должен был быть заключен двумя годами позже из-за юного возраста жениха и невесты, бывших тогда детьми. Эрве отправился в Святую Землю лишь после обручения, поскольку актом, датированным Лорри (июль 1218), он урегулировал с Людовиком, старшим сыном короля и отцом жениха, управление имуществом, принадлежащим несовершеннолетним супругам, и право возврата в случае смерти [33]. Непонятно, как издатели Собрания историков Франции могли оспаривать подлинность этого брака, идя против собственных текстов [34].

По возвращении из крестового похода первой заботой графа Неверского было обещать Филиппу-Августу не выдавать свою дочь замуж без согласия короля и, во всяком случае, не отдавать ее ни сыну Жана, короля Англии, ни Тибо Шампанскому, ни юному герцогу Бургундскому, ни Ангеррану де Куси [35]. Его вассалы, присутствовавшие при заключении этого соглашения в Сен-Жермен-ан-Ле в декабре 1219 года, дали свое согласие и гарантию в отдельном акте [36]: Гуго, сеньор де Лорм, Гуго де Сен-Верен, Рено де Монфокон, Жоффруа де Буйи,

Пьер де Ливрон и Ансо Бриден. Две папские буллы затем взяли имущество вдовы под защиту Святого Престола [37].

После смерти Филиппа Французского, Аньес Неверская должна была, согласно условиям первого договора 1215 года, выйти замуж за его брата Людовика, будущего Людовика IX. Но события не позволили осуществить этот план: смерть Филиппа-Августа вскоре последовала за смертью его внука; Людовик VIII правил всего три года, и когда Людовик IX был призван сменить отца, он был далек от брачного возраста. Можно лишь констатировать неисполненное обещание, которое в таком случае могло бы возвести дочь графа Неверского на французский престол [38].

Мы говорили в предыдущей главе о договоре, заключенном 8 июля 1218 года между Бланкой Наваррской, графиней Шампанской, и Эраром де Бриенном, в котором прямо указано вмешательство Эда III, хотя смерть герцога произошла двумя днями раньше этого акта. Условия соглашения предусматривали перемирие на четыре года, обязательство Бланки ходатайствовать перед папой о снятии отлучения, наложенного на ее противника, возвращение Эрару фьефов и владений, конфискованных у него, и, наконец, выплату последнему ежегодной суммы в три тысячи ливров провенской монеты на время перемирия.

Можно удивиться новым осложнениям, возникшим после этого времени, и долгим переговорам, которые искусной графине Шампанской пришлось вести, чтобы взять ситуацию под контроль. Не дала ли смерть Эда III, лишив Бланку активного, могущественного и влиятельного союзника, Эрару де Бриенну и его сторонникам надежду на благоприятные возможности и перемену судьбы? Это предположительно. Обещания и помощь, обещанные Бланке герцогиней-регентшей Бургундии, представляли собой чисто моральную поддержку; ибо у Алисы де Вержи было тогда слишком много хлопот посреди ее финансовых затруднений, чтобы принимать участие в борьбе, в которой интересы герцогства не были затронуты.

Чтобы оказаться на стороне правого дела и с твердым намерением выполнить свои обязательства, графиня Шампанская отправила послов к папе с просьбой отпустить грехи Эрару. Одновременно понтифик получил прошение от Эрара и Филиппины, требовавших подобной милости. 29 декабря 1218 года Гонорий III поручил Конраду, аббату Сито, Гийому, аббату Клерво, и Оливье, аббату Кенси, снять приговор об отлучении и дать отпущение грехов согласно церковному чину, *juxta formam ecclesie* [39]. Уполномоченные оказались в большом затруднении при выполнении своей миссии: защитники Бланки утверждали, что, согласно церковным законам, Эрар не может быть отпущен, не возместив предварительно ущерба, причиненного действиями, повлекшими церковное отлучение. Так что три аббата, дав благоприятное заключение (31 мая 1219) [40], отменили свой приговор, затем вернулись к своему первоначальному решению (8 июля 1219) [41], которое было подтверждено буллой от 7 августа [42].

После колебаний и перемен, перипетии которых нам нет необходимости проследить, Эрар еще долгое время оставался под приговором об отлучении; но, несмотря на повторяющиеся приказы папы, некоторые из прелатов, которые должны были следить за исполнением этого приговора, по-видимому, мало его учитывали. Ежедневно жалобы по этому поводу доносились до римского двора. Гонорий III пригрозил церковными наказаниями монахам Труа-Фонтен и Кенси, которые дали отпущение грехов и христианское погребение сторонникам Эрара, не потребовав от них ни возмещения, ни воздаяния [43].

Другие представители духовенства были не менее снисходительны к самому Эрару и его шурина Милю де Нуайе, в замке которого он часто останавливался. Примерно в то же время Филиппина, оправившись после родов, была допущена к обряду *relevailles* (церковного очищения после родов) в церкви Сен-Пьер в одном из приходов диоцеза Лангра, название которого нам не удалось установить. В день Сретения, 2 февраля 1220 года, Эрар и Миль де Нуайе приняли участие в празднике Сретения и пришли в Понтины на процессию со свечами в руках [44]; прелаты присутствовали с ними на свадебных пирах; поэтому не было ничего удивитель-

ного, если священники и простые монахи обращались с ними как с христианами, а не как с отлученными [45].

Предпринятые Эраром шаги, впрочем, доказывают его желание выйти из этого досадного положения, которое создавало ему постоянные затруднения среди религиозного населения наших краев. Графиня Шампанская ничего не упустила, чтобы положить этому конец; уже давно она пыталась посредством искусных переговоров оторвать бургундских и шампанских вассалов, оставшихся верными судьбе Эрара, и посвящала этому все денежные средства, которыми могла располагать, будучи твердо убеждена, что золото, а не железо, двигает судьбы мира. Великие сеньоры без труда продали свою верность Бланке; одни извлекли выгоду из обстоятельств, получив плату за услуги, которые они не оказывали; другие, движимые не менее предосудительным чувством, позволили купить свою преданность.

Понс де Мон-Сен-Жан, сеньор де Шарни, получил сумму в триста ливров и ренту в двадцать ливров в прибавление к фьефу, обещая в случае необходимости сражаться против Эрара, но оставляя за собой право не вести войну против Миля де Нуайе, своего шурина (июнь 1219) [46].

Эрве де Сомбернон, которого никакие вассальные узы не связывали с Шампанью, был пожалован рентой в двадцать ливров с ярмарок Бара [47] и принес за это оммаж в тот же день (июнь 1219) [48].

Ги и Гуго де Шатийон, сыновья недавно умершего графа де Сен-Поль, сенешаля Бургундии, получили *gûeûe* (лесную юрисдикцию) над лесами Вийи (февраль 1220) [49].

Гуго, сеньор д'Антиньи, стал *homme-lige* (вассалом, обязанным личной службой) Бланки и Тибо Шампанского за единовременную выплату в сто пятьдесят ливров и ренту в двадцать ливров, обеспеченную на ярмарках Бара (июль 1219) [50].

Бартелеми, сеньор де Со, глава старшей ветви графов этого имени, продал свою верность на тех же условиях (октябрь 1219) [51], как и Эрве, сеньор де Саффр (9 сентября 1222) [52].

Ги, сеньор де Тиль-Шатель, оценил свою преданность дороже и потребовал сумму в сто марок серебра и ренту в тридцать ливров (апрель 1219) [53].

Ги и Андре де Монреаль получили триста ливров и ренту в тридцать ливров, оставляя за собой право не принимать участия в войне, в которой лично будет участвовать Эрар, но обещая сражаться против Миля де Нуайе и предоставить свои крепости в распоряжение Бланки (июль 1219) [54].

Эд Бургундский, сеньор де Монтагю, шурина герцогини Алисы, продал свою поддержку за триста ливров (30 марта 1220) [55].

Миль де Сен-Флорантен, сеньор де Пюи [56], Симон де Сефонтен [57], обусловили свое подчинение получением снятия приговора об отлучении, который все еще на них лежал.

Гийом де Мон-Сен-Жан согласился стать вассалом графа Шампанского за фьеф в тридцать ливров ренты (октябрь 1222) [58].

Таким образом, Эрар де Бриенн видел, как большинство его сторонников одно за другим покидают его дело, но чтобы не быть застигнутым врасплох и не показаться менее предусмотрительным, чем его приверженцы, он принял меры, чтобы извлечь выгоду из ситуации, продав свое подчинение за звонкую монету и на самых выгодных условиях. 2 ноября 1221 года [59] он отказался от прав, которые оспаривал, и от своих притязаний на графства Шампань и Бри, взамен единовременной выплаты в четыре тысячи ливров и ренты в двенадцатьсот ливров — огромной по тем временам суммы. Эта торжественная отреченская грамота была направлена папе, королю Франции, герцогине Бургундской и всем лицам, фигурировавшим в этих слишком затянувшихся распрях. Алиса де Вержи [60], Гуго де Монреаль, епископ Лангра [61], Гийом Шампанский, архиепископ Реймса [62], Анри, епископ Осера [63] и другие предоставили хартии, фиксирующие условия этого соглашения.

И это еще не все. Эра и Филиппина торжественно явились на пасхальные празднества в аббатство Моле, чтобы совершить акт подчинения и отречения в присутствии вышеупомянутых епископов и герцогини Бургундской, которая возобновила в той же форме только что упомянутые хартии, датированные 10 апреля 1222 года [64].

Подчинение Эра де Шасне последовало вскоре после подчинения Эра де Бриенна, и Миль де Нуайе, шурина последнего, вскоре сдался и принес оммаж Тибо Шампанскому за земли, с которых были обеспечены значительные доходы. Нам известна лишь часть уступок, которые были сделаны сеньору де Нуайе [65]; последовательные выплаты, вероятно, не достигли тех, что были предоставлены Эрау, но они были достаточно значительными, чтобы Миль мог неоднократно выступать поручителем герцогини Бургундской и чтобы его кредит показался достаточным сиенским банкирам для обеспечения займа в одиннадцать тысяч семьсот двадцать ливров провенской монеты, взятого для выплаты долгов герцогства [66].

Известие о смерти Пьера де Куртене, графа Осера и Тоннера, произвело потрясение и стало причиной некоторых беспорядков в этих областях; управление этими графствами было оставлено Роберту, сеньору де Шампинелю, брату покойного, под руководством епископа Гийома де Сеньеле. Эрве де Донзи ускорил свое возвращение из крестового похода, чтобы заявить о своих правах и завладеть тем, что должно было ему достаться [67]; но его притязания были отвергнуты впредь до получения дополнительных сведений. Тем временем, после того как епископ Осера был возведен на епископскую кафедру Парижа, Эрве воспользовался отсутствием прелата, чтобы захватить графства и совершить там насилия, которые повлекли за собой угрозы отлучения со стороны Святого Престола [68]. Лишь в конце 1220 года он был официально инвестирован графствами Осер и Тоннер. Его дочь Аньес, вдова Филиппа Французского, вновь вышла замуж в следующем году за Ги де Шатийона, графа де Сен-Поль; но вскоре после этого Эрве скончался; его смерть, окутанная тайной, произошла 21 января 1222 года [69]. Несколько дней спустя вдова, вызванная в Мелен ко двору Филиппа-Августа, поклялась королю не вступать ни в какой союз без его согласия [70]. Эта клятва была скреплена ратификацией ее зятя и сопровождавшими ее вассальными сеньорами: Гийомом де Мелло, Гугом де Сен-Вереном, Пьером де Барром, Этьеном де Сансерром, Жоффруа де Буйи [71].

Герцогиня Бургундская присутствовала на церемонии коронации Людовика VIII, коронованного в Реймсе Гийомом де Жуанвилем, архиепископом этого города, в воскресенье 6 августа 1223 года; там она возобновила обещание никогда не выходить замуж без согласия короля [72]. Дипломом, данным в Сансе, Людовик VIII разрешил Беатрисе, графине Шалона-на-Соне, которая не могла лично принести ему оммаж, выполнить этот долг либо в руки архиепископа Лиона, либо епископа Шалона, или любого другого прелата по ее выбору [73].

После смерти Миля III, графа де Бар-сюр-Сен, Тибо, граф Шампанский, выкупил у различных наследников притязания, которые они могли иметь на графство Бар. Акт этой продажи был совершен в Дижоне 17 марта 1224 года.

Понс де Мон-Сен-Жан, сеньор де Шарни, уполномоченный Понса де Кюизо и Лоренсы, племянницы Миля III, уступил их долю наследства в руки Симона де Жуанвиля, сенешаля Шампани [74]. Анри, граф де Бар-ле-Дюк, и Одар, маршал Шампани, также засвидетельствовали эту продажу хартиями, данными в Дижоне 2 апреля того же года [75]. Тибо последовательно выкупил доли, причитавшиеся другим наследникам, а также права и вдовью долю Элиссанды, вдовы Миля III, так что все полезные доходы графства Бар-сюр-Сен были включены в домен Шампани.

В тот же промежуток времени герцогиня Бургундская использовала свои сбережения, чтобы купить у своего шурина, дофина Вьеннского, владения, которыми он пользовался в Бонне и Шалонне и которые достались ему по его доле при разделе с Эдом III. Цена этой продажи была установлена в три тысячи триста марок серебра при условии, что герцогиня обязуется основать госпиталь (октябрь 1225) [76]. Роберт Овернский, бывший посредником при

этом приобретении, скрепил квитанцию об уплате этой суммы от имени дофина [77] одновременно с Алисой де Вержи (июнь 1227) [78]. Вероятно, хартия об освобождении, предоставленная герцогиней жителям Сен-Жан-де-Лон (июль 1227) [79], имела целью покрыть часть расходов на это важное приобретение.

Герцогиня также воспользовалась раздорами, сотрясавшими графство Бургундское, чтобы обогатить герцогство и создать себе фьефы без боя и без денег. Семейные распри дома Салэн как нельзя лучше служили этим планам расширения. Гоше IV де Вьенн, сеньор де Салэн, о чьих матримониальных несчастьях с Матильдой де Бурбон, дочерью Аршамбо де Бурбона и Алисы Бургундской, мы уже рассказывали, после развода женился вновь на Алисе де Дрё, от которой не имел детей. Сама Матильда де Бурбон вступила во второй брак с Ги де Дампьером. От несчастливого брака Гоше IV и Матильды родилась лишь одна дочь, Маргарита де Вьенн, и именно Маргарите должна была отойти сеньория Салэн и зависимые от нее земли [80]. Маргарита была обручена еще в 1211 году стараниями своей матери и герцога Бургундского Эда III, ее кузена [81], с Гильомом де Сабраном, графом де Форкалькье, умершим в 1220 году, а затем вышла замуж вторым браком за Жоссерана Ле Гро де Брансьона, чей дом, древний и славный своими союзами, гордился тем, что держит свои земли только от Бога и своего меча. Таким образом, Жоссеран становился двоюродным братом юного герцога Бургундии [82].

Этьен, граф Осонский, все еще питавший глубокую ненависть к Оттону, герцогу Меранскому [83], не останавливался ни перед какими враждебными действиями, чтобы досадить ему, и искал новых поводов для ссор. Мы не знаем, какими мотивами он побудил [84] Жоссерана де Брансьон и Маргариту де Вьенн уступить герцогине Алисе и ее сыну Гуго сеньорию Салэн, землю Виллафан и их обширные владения. Эти переговоры, текст которых не сохранился и условия которых, без сомнения, держались в секрете, состоялись в 1225 году [85]; неизвестна также сумма, выплаченная за это приобретение. Алиса де Дрё, вдова Гоше де Салэна, к тому времени вышедшая замуж за Ренара де Шуазеля [86], все еще сохраняла в качестве вдовьей доли права на некоторые из этих владений; ей была выплачена компенсация в размере двух тысяч сорока ливров стефанской монеты, которую обещала герцогиня при поручительстве Эрве де Сомбернона [87].

Создавая таким образом в центре графства важный фьеф в пользу герцогов Бургундских, Этьен обеспечивал себе поддержку последних на случай новых событий; одновременно он служил интересам Жана де Шалона, своего сына, для которого он всегда желал этого богатого наследства и который по браку приходился дядей Гуго IV [88].

Приобретение крупного фьефа в графстве Бургундском было первым шагом к присоединению этой провинции к герцогству — мечте, долго лелеемой герцогом Эдом III, но которую обстоятельства и трудности сделали химеричной и неосуществимой. Тайный договор 1216 года, по которому герцог Бургундский некогда заключил союз с графиней Шампанской для завоевания графства, аналогичным образом связывал и их детей [89]. Но у Тибо Шампанского был возрастной перевес над Гуго IV, что давало ему много преимуществ для успешного проведения такого предприятия и извлечения из него выгоды для себя. В 1226 году Тибо было двадцать пять лет, в то время как Гуго IV, которому было всего тринадцать, даже не достиг феодального совершеннолетия. Более того, Бланка Наваррская обладала высоким политическим умом, меру которого она показала во время своего регентства; она имела большое превосходство над робкой и неопытной Алисой де Вержи, и следует предположить, что ей было выгоднее поддерживать права Шампани, чем герцогства Бургундского.

Вмешательство Этьена, графа Осонского, в передачу сеньории Салэн герцогству обеспечило ему со стороны последнего союз, которым он немедленно захотел воспользоваться. Отказ принести оммаж за замки Уазле и Рошфор стал поводом для конфликта, к которому Оттон, герцог Меранский, вовсе не был готов. Все та же дикая ненависть младшей ветви разжигала

войну; все та же коалиция соперничающих домов, состоявшая из семей де Вьенн и де Шалон, вооружалась против этого чужеземного принца.

Перед лицом этой грозной лиги герцог Меранский призвал на помощь Анри, графа Барле-Дюка, и лотарингцев, которые поспешили к нему на выручку. Военные действия начались в декабре 1225 года; но незадолго до Рождества Жан де Шалон и его зять Анри де Вьенн сумели захватить графа Барского, удерживали его в плену до Троицы следующего года [90] и отпустили лишь за огромный выкуп.

Лишившись этой поддержки, положение герцога Меранского стало весьма критическим; он мог опасаться рокового исхода кампании 1211 года, завершившейся договором в Дижоне. Он оказался бы полностью во власти своих агрессоров, и герцога Эда III уже не было рядом, чтобы служить ему противовесом. Один лишь граф Шампанский был в состоянии прийти ему на помощь и вытащить из этой неприятности. С другой стороны, Тибо, который не без горечи наблюдал аннексию Салэна герцогством, поспешил воспользоваться возможностью и благожелательно принял выгодные предложения, которые ему были сделаны.

19 января 1226 года [91], то есть менее чем через месяц после пленения Анри де Бара, Оттон, герцог Меранский, пфальцграф Бургундский, и его жена Беатриса заключили договор о наступательном и оборонительном союзе с Тибо, графом Шампанским и Аньес де Божё. Чтобы лучше скрепить этот союз, они утвердили условия брака своего сына Оттона, тогда еще малолетнего, с только что родившейся Бланкой Шампанской. Обручение должно было состояться в Бурбонне, когда жених достигнет четырнадцати лет. Графство Бургундское будет дано ей в приданое. Бланка принесет в брак три тысячи марок серебра одновременно и пятьсот ливров земли. Анри, сеньор де Фуван [92], Готье, сеньор де Виньори [93], Симон, сеньор де Клемон [94] выступили поручителями этого обязательства за герцога Меранского.

Эти соглашения, передававшие графство Бургундское дому Шампанскому, имели первостепенное значение. Это был удар по владельцам герцогства; но осуществление его отодвигалось в отдаленное будущее; до тех пор могли возникнуть осложнения, и события брали на себя труд свести на нет все эти прекрасные планы.

Внося в борьбу вес своего меча, граф Шампанский уравнивал силы воюющих сторон. Война, отравленная семейной ненавистью, возобновилась с новой силой и ожесточением по всем направлениям сразу. Этьен потерял в ней две свои крепости, Лиль и Монбарре; три других замка, принадлежавших конфедератам, Гре, Флажи и Розе, были взяты, разграблены и сожжены [95].

Крестовый поход против альбигойцев, в котором все великие вассалы были обязаны принять участие, временно приостановил военные действия; но этот крестовый поход, плохо принятый бургундскими сеньорами, встретил большие трудности. Экспедиция 1209 года оставила такие дурные воспоминания, что бароны и прелаты Бургундии оказали самое решительное сопротивление королевским призывам. Жан де Брен, граф Маконский [96], сначала прямо отказался от участия в нем, несмотря на повторные приказы короля, а позже был за это приговорен к крупному штрафу, за который вынуждены были поручиться епископ и капитул Макона [97]. Уже в марте 1226 года Анри де Вильнёв, епископ Осера, под предлогом своих недугов отказался участвовать в экспедиции. Он заявил, что Людовик VIII, освободив его от обязанности следовать за ним на войну против альбигойцев, освободил его также от предоставления солдат и уплаты десятины, причитающейся для этой цели, взамен единовременной выплаты шестисот ливров парижской монеты [98].

Этьен, граф Осонский, Жан де Шалон и Анри де Вьенн уклонились от обращенных к ним приглашений, ссылаясь в оправдание на опасности, которым подвергались их земли, угрожаемые графом Шампанским и герцогом Меранским [99]. Кардинал Роман де Сент-Анж, папский легат, предложил устранить трудности, но никто не спешил подчиниться его требова-

ниям. Духовенство также не проявило большего рвения, так как удалось собрать лишь очень малую часть десятины, обещанной для экспедиции [100].

Королевская армия уже прибыла в Лион 28 мая [101], в то время как Тибо все еще находился в Шампани; лишь к середине июня он прибыл под стены Авиньона [102], осада которого началась 10-го числа того же месяца [103]. Но он не остался до конца осады; сорок дней обязательной службы истекли, и он явился к королю, чтобы испросить разрешения удалиться. Увещевания монарха и легата, которых он оставлял в затруднительном положении, не смогли удержать его. «Клянусь, — воскликнул разгневанный король, — что если вы уйдете таким образом, я пойду и предам огню ваше графство» [104]. Три дня спустя после этой встречи граф Шампанский тайно покинул лагерь в полночь, не взяв с собой своих рыцарей, и вернулся с такой быстротой, что за один день проделал путь в три дня [105].

Историки единодушно осуждали Тибо за эту измену, не зная о настоятельных причинах, звавших его обратно в его владения. Ему нужно было защищать свои собственные интересы в графстве Бургундском, и он не собирался отстаивать интересы короля, которые не были ни для кого тайной, поскольку Амори де Монфор уступил Людовику VIII свои права на графство Тулузское.

Сразу по возвращении Тибо оказался перед лицом ряда конфедератов, которые не покидали графства, но не могли не тревожиться об исходе борьбы с их могущественными противниками. Затруднения короля, его нужда в вассалах, необходимость увеличить свои силы позволили всем выйти из положения, не уронив своего самолюбия. По приказу кардинала-легата Романа де Сент-Анжа архиепископ Безантона пригрозил Тибо отлучением, если он не подчинится воле Людовика VIII и будет продолжать войну [106]. Сохранились письма графа Шампанского, запрещающие Эрару де Бриенну и Жаку де Дюрне позволять своим людям нападать на земли Этьена, графа Осонского, и Жана, графа Шалона, на все время их пребывания в крепостном походе против альбигойцев (4 сентября 1226) [107].

Следовательно, до этой даты имелось перемирие, содержание которого нам неизвестно, но в результате которого Анри, граф Бар-ле-Дюк, пленник Жана де Шалона и сеньора де Вьенна, был освобожден, предоставив поручительства за свой выкуп и свою особу [108]. Это перемирие было заключено около Троицы [109] и было рассчитано на год.

Оно было лишь прелюдией к окончательному миру, посредником при заключении которого, как и в первый раз, был уполномоченный папский легат. Этот мир горячо желался всеми сторонами и особенно страдавшим от войны населением. Вследствие этого кардинал де Сент-Анж созвал заинтересованных лиц на собрание, которое состоялось в аббатстве Беза 16 июня 1227 года [110]. Этьен и его сын приняли продиктованные им условия. Они согласились принести оммаж герцогу Меранскому за замки Рошфор и Узле. Герцог Меранский, со своей стороны, должен был разрушить стены Шавиньи и сравнять их с землей до ровов. Из пяти крепостей, разрушенных во время войны, только Монбарре и Розе можно было восстановить с согласия герцога. Анри де Вьенн, у которого были разногласия с последним по поводу замка Вогренана, согласился принять арбитраж графа Шампанского [111].

В тот же день Жан, граф Шалона, объявил, что посредничеством легата Романа де Сент-Анжа он заключил мир с Анри, графом Бар-ле-Дюка, который, несмотря на свои клятвы, взялся за оружие после освобождения и не побоялся подвергнуть опасности заложников, все еще остававшихся вместо него в темницах. Пленникам была дарована свобода, а грамоты, выданные Анри де Баром и содержащие признание его выкупа, были объявлены недействительными [112].

Этот выкуп был установлен в экстраординарной сумме шестнадцати тысяч ливров стефанской монеты [113]. Победители жестоко злоупотребили своим пленником, будучи твердо убеждены, что герцог Меранский, ответственный за военные расходы, не может бросить союзника, которого сам призвал на помощь [114]. Финансы воюющих сторон были истощены, и

герцог Оттон никоим образом не был в состоянии удовлетворить такое требование. Он обратился к графу Шампанскому, и 27 июня, то есть через несколько дней после договора в Безе, заложил ему графство Бургундское за сумму в четырнадцать тысяч ливров, при условии, что Тибо будет получать две трети доходов этой провинции на содержание гарнизонов. Другая треть доходов будет ежегодно идти на погашение долга герцога Меранского, который, после уплаты этого долга, вновь вступит во владение своим графством [115].

Эта странная уступка, хотя и временная, доказывает слабую привязанность этого чужеземного принца к владениям, которые не приносили ему ничего, кроме хлопот. Офицеры Тибо вступили во владение различными замками, и бургундские сеньоры этой местности, уже подчиненные власти немецкого сюзерена, не без унижения увидели свою родину управляемой шампанской администрацией.

Таким образом, укрепившись в графстве, Тибо мог надеяться на его присоединение к своим владениям более надежным путем, чем через брак своей дочери и договор, условия которого были преданы молчанию после обстоятельств, их породивших. И поскольку герцогу Меранскому снова понадобилось прибегнуть к финансовым ресурсам Шампани, Тибо заставил его возобновить (8 ноября) [116] на тех же условиях предыдущее обязательство, которое на этот раз представляло собой заем в пятнадцать тысяч ливров, из которых двенадцать тысяч пятьсот девяносто шесть были выплачены немедленно, и за которые он дал расписку несколькими днями позже (21 ноября) [117]. Папский легат, бывший посредником во всех этих договоренностях, покинул Бургундию лишь в сентябре, после того как присутствовал на генеральном капитуле в Сито [118].

Цепь событий, только что изложенная, не должна заслонять от нас факты, происшедшие ранее этой даты.

Король Людовик VIII, скончавшийся 8 ноября, заставил епископов и баронов поклясться, что они принесут оммаж Людовику IX, своему старшему сыну, которому было тогда десять лет, и что они примут участие в его коронации в кратчайшие сроки. Вследствие этого великим васалам короны были разосланы письма с вызовом, приглашавшие их прибыть в Реймс на праздник Святого Андрея [119]. Сохранился текст писем, полученных епископами Осера, Невера, Труа, Макона и Шалона-на-Соне. Церемония состоялась в воскресенье 29 ноября; герцогиня Бургундская присутствовала на ней вместе со своим сыном, хотя Матвей Парижский [120], иногда неточный автор, утверждает обратное. Следует положиться на формальное утверждение Филиппа Муске [121]:

В Реймс явились многие бароны
Из дальних земель окрестных,
И юный герцог Бургундии,
Который был опечален бесчестьем,
Прибыл туда охотно и добровольно,
Ибо его отец любил его...

Маго де Куртене, графиня Неверская, Осерская и Тоннерская, потеряв мужа в 1222 году, была еще опечалена смертью своей дочери Аньес (1225) и зятя Ги де Шатийона, графа де Сен-Поль (1226). Последние оставили двух малолетних детей, опеку над которыми взяла на себя бабушка. Чтобы дать им защитника, Маго вышла замуж в июле 1226 года за Гига, графа Фореза, который мог выполнять феодальные обязанности, связанные с его обширными владениями, и защищать интересы графини и ее внуков. В том же году этот сеньор принес личный оммаж епископу Шалона-на-Соне за различные фьефы в Тоннеруа: Беньё, Бовуар, Авире, Бражелонн, Ланн, Риси, которые входили в состав так называемого *Parcours de Saint-Vincent* (Обхода Святого Винсента), а также за *terrages* (оброк с земли) Молема и Шанна [122]. Тот же самый оммаж был принесен десятью годами ранее епископу Шалона Пьером де Куртене, графом Осера и Тоннера [123], о котором мы еще не говорили. К этой первой дате (1217)

было проведено расследование, и *prud'hommes* (добрые люди, присяжные) должны были установить, какие именно земли составляли этот Обход Святого Винсента — довольно своеобразную повинность, подчинявшую графов Тоннера епископам и церкви Сен-Венсан в Шалоне, происхождение которой было бы интересно узнать.

Ни один документ не проливает свет на это происхождение, и упомянутое расследование до нас не дошло. Чтобы найти связи между графами Тоннера и графами Шалона, нужно вернуться к 1166 году и к кампании Людовика VII в Шалонне [124]. В результате этой войны двум королевским союзникам, принявшим наиболее активное участие в этой экспедиции, — Гуго III, герцогу Бургундии, и Гильому IV, графу Неверскому и Тоннерскому, — были пожалованы часть владений, отнятых у графа Шалона в наказание за его вероломство и преступления. Графы Неверские недолго оставались владельцами этих земель, удаленных от их владений; Гильом IV умер бездетным в 1168 году, оставив наследство своему брату Ги, женатому на Матильде Бургундской. Этот самый Ги был взят в плен Гуго III в 1174 году после неудачной войны и приговорен к выкупу в две тысячи марок серебра, который не мог быть выплачен за счет средств хартии об освобождении, дарованной в том же году жителям Тоннера [125]. Весьма вероятно, что в то время Ги де Невер уступил герцогу Бургундскому права, которые он имел в Шалонне, возместив епископу и капитулу Сен-Венсана в Шалоне сюзеренитет, который он им должен был, и обеспечив этот сюзеренитет пропорциональной долей своих собственных владений [126]. Таково, по крайней мере, самое логичное объяснение этой повинности Обхода Святого Винсента, о которой нигде не упоминается до начала XIII века.

В первый год своего брака с Маго Гиг, граф Неверский и Форезский, вступил в конфликт с графом Шампанским относительно замков, построенных в Тоннеруа на границе их владений. Гиг защищал свои права с достаточной надменностью, чтобы обе стороны пришли в состояние войны и кардинал де Сент-Анж был вынужден вмешаться, чтобы положить конец этому конфликту [127].

Тем не менее, приготовления к борьбе были серьезными. В июле 1227 года [128] граф Шампанский заключил с герцогиней Бургундской договор о наступательном и оборонительном союзе, который должен был длиться до тех пор, пока юный Гуго IV не достигнет двадцати одного года, то есть до 1232 года, когда герцог будет свободен возобновить договор.

Алиса де Вержи обязалась оказывать Тибо помощь и поддержку против графа Неверского. Она поклялась не выдавать своего сына за дочь Роберта, графа де Дрё, ни за дочерей графов Бретонского, де ла Марш, Булонского, Роберта де Куртене, Ангеррана де Куси, Ги де Шатийона, графа де Сен-Поль, ни за сестер и племянниц тех же особ. Бургундские рыцари, сенешаль Гийом де Вержи, маршал Пьер де Палло, Ансерик де Монреаль, Клерамбо де Шапп, Андре д'Эпуасс принесли ту же клятву. Для большей надежности было условлено, что в случае нарушения этих обязательств вышеупомянутые сеньоры в том же месяце, в который их об этом попросят, по требованию либо графини Шампанской, либо епископа Лангра, либо Роберта Овернского, который только что был возведен в архиепископы Лионские [129] и был главным посредником в этих соглашениях, отправятся в качестве заложников в Труа. В этом случае они клялись не выходить из тюрьмы до возмещения чести и ущерба, подвергая себя и свое имущество отлучению со стороны епископа Лангра или архиепископа Лионского. Поскольку у герцога Гуго еще не было печати, к этому акту приложили печать герцогини.

Примечания к Главе XXVII:

[1] Архив департамента Кот-д'Ор, Собрание Пенседе, том XXVIII, стр. 1164, согласно хартии из картулярия Валь-де-Шу 1222 года; наш каталог, №1726. См. также №1509, 1510.

[2] Подлинник: Городской архив Дижона, В 1; наш каталог, №1627, 1628.

[3] Гийом де Вержи официально принял титул сенешаля Бургундии лишь в следующем году, после смерти Гоше де Шатильона, скончавшегося в крестовом походе.

[4] Вышеупомянутые сеньоры скрепили своей печатью обязательство, данное герцогиней королю в августе 1218 года; наш каталог, №1514—1517. Ансерик де Монреаль, женатый на Симонетте или Николетте де Вержи, сестре герцогини, в этих документах не фигурирует; возможно, он был в крестовом походе?

[5] А. Дюшен, «История дома де Вержи», документы, стр. 180.

[6] А. Дюшен, «История дома де Вержи», документы, стр. 180.

[7] Документы 1218 года, наш каталог, №1521, 1522, 1546.

[8] Перри, «История Шалона», стр. 56; Дом Планше, т. I, документы, 177.

[9] Менетрье, «История Лиона», документы, стр. 44—45; наш каталог, №1559, 1560.

[10] Национальная библиотека, лат., 5993, л. 37; наш каталог, №1561.

[11] Архив департамента Верхняя Марна, Картулярий Лонге, л. 191, ноябрь 1219; наш каталог, №1580.

[12] См. каталог актов за 1219—1225 годы.

[13] Архив департамента Верхняя Марна, Картулярий Лонге, л. 191.

[14] Подлинник: Городской архив Дижона, В 1, сентябрь 1220; наш каталог, №1628.

[15] Наш каталог, №1634, 1637.

[16] Национальная библиотека, лат., 5993, л. 35; апрель 1222; наш каталог, №1714, 1715.

[17] Этот любопытный документ, чей подлинник, разорванный и в плохом состоянии, находится в архиве Кот-д'Ор, Палата счетов, титулы Нуайе; наш каталог, №1715. Договор, скрепленный печатью герцогини, не сохранился; известна лишь обязательственная графта, данная Милем, сеньором де Нуайе.

[18] Дом Планше, т. II, документы, XVI; наш каталог, №1815.

[19] Июнь 1227; Голлю, «Мемуары», стр. 392; Перар, стр. 410; наш каталог, №1882.

[20] Собрание историков Франции, т. XIX, стр. 661; Райнальди, «Церковные анналы», под 1218 год; Поттхаст, «Папские регесты», т. I, стр. 514—515.

[21] Собрание историков Франции, т. XIX, стр. 663.

[22] Мартен, «Сокровищница анекдотов», т. I, кол. 867; Картулярий Йонны, т. III, стр. 95.

[23] Собрание историков Франции, т. XIX, стр. 677.

[24] Национальная библиотека, Картулярий епископства Шалон-сюр-Сон, лат., 17 089, стр. 415.

[25] Национальная библиотека, «Книга понтификов», лат., 5993 А, л. 21—22.

[26] Западные историки крестовых походов, т. II, стр. 332.

[27] Собрание историков Франции, т. XVII, 749 Вп; Западные историки крестовых походов, т. II, стр. 341.

[28] Июль 1222, Раздел имущества между Ги, сеньором д'Арси, и его братом Ансериком, казначеем Лангра; Национальная библиотека, лат., 5992, л. 294.

[29] Сентябрь 1219; аббат Лабор, «Картулярий Бевуара», стр. 187; наш каталог, №1574.

[30] Гоше, сын Миля, графа де Бар-сюр-Сен, был женат на Елизавете де Куртене, дочери Пьера де Куртене, императора Константинопольского. У Гоше был другой брат, Гийом, вступивший в орден Храма, великим магистром которого он стал в 1227 году. Он отличился при осаде Дамьетты, где творил чудеса во главе своих рыцарей, как засвидетельствовал очевидец (Оливье, у Эккарда, «Corpus historicum medii aevi», т. II, стр. 1405—1408).

[31] Историки крестовых походов, т. II, стр. 337—340.

[32] У Эрве, графа Неверского, ранее был сын, имя которого совершенно неизвестно и который упоминается лишь в одном документе. Мы уже говорили (т. III), что Эд III, герцог Бургундии, в 1207 году планировал женить его на своей племяннице Беатрис, дочери дофина Вьеннского, и что смерть этого ребенка наступила вскоре после этого.

[33] Национальный архив, J. 286; наш каталог, №1513.

[34] Работа Рене де Леспинасса об Эрве де Донзи, Невер, 1868, стр. 61—65, восстановила истину в этом вопросе.

[35] Наш каталог, №1584.

[36] Подлинник: Национальный архив, J. 622; наш каталог, №1585.

[37] 21 октября 1220: Национальная библиотека, коллекция Моро, №1181, л. 145, и 26 октября 1220: Собрание историков Франции, т. XIX, стр. 711; наш каталог, №1631.

[38] Для этих подробностей см. вышеупомянутую работу Рене де Леспинасса об Эрве де Донзи. Наши картулярии предоставляют еще ряд документов, которые могут фигурировать в его каталоге актов.

[39] Наш каталог, №1536.

[40] Д'Арбуа де Жюбенвиль, «История Шампани», каталог, №1199.

[41] Д'Арбуа де Жюбенвиль, «История Шампани», каталог, №1214.

[42] Д'Арбуа де Жюбенвиль, «История Шампани», каталог, №1249.

[43] 28 ноября 1219; Национальная библиотека, лат., 5993 А, л. 22; наш каталог, №1581.

[44] Булла марта 1220; Национальная библиотека, «Книга понтификов», лат., 5993 А, л. 252; наш каталог, №1603.

[45] За деталями следует обратиться к превосходной «Истории герцогов и графов Шампани» г-на д'Арбуа де Жюбенвиля, т. IV, стр. 480 и далее.

[46] А. Дюшен, «История дома де Вержи», документы, стр. 473; наш каталог, №1564.

[47] Шантро-Лефевр, «Трактат о фьефах», т. II, стр. 409; наш каталог, №1562.

[48] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 493; наш каталог, №1563.

[49] А. Дюшен, «История дома Шатильон-сюр-Марн», документы, стр. 39.

[50] Дом Планше, «История Бургундии», т. II, документы, стр. IV; наш каталог, №1569.

[51] Шантро-Лефевр, «Трактат о фьефах», т. II, стр. 111; наш каталог, №1577.

[52] Д'Арбуа де Жюбенвиль, каталог, №1442.

[53] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 200; наш каталог, №1554.

[54] Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 193, Шампань, I, №11; наш каталог, №1566.

[55] А. Дюшен, «История герцогов Бургундии», документы, 134; наш каталог, №1620.

[56] Миль де Сен-Флорентен затем отправился в крестовый поход и был в Дамьетте 26 июня 1220 года, когда сделал дарение госпитальерам Святого Иоанна Иерусалимского; Подлинник: Архив Кот-д'Ор, Н. 213; наш каталог, №1618.

[57] Июнь 1220; наш каталог, №1617.

[58] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 195; наш каталог, №1724.

[59] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 209; наш каталог, №1676.

[60] Подлинник: Национальный архив, J. 209; наш каталог, №1678—1679.

[61] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 204.

[62] Д'Арбуа де Жюбенвиль, каталог, №1357.

[63] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 209; наш каталог, №1713.

[64] А. Дюшен, «История дома де Вержи», документы, стр. 156; наш каталог, №1711—1712.

[65] Подлинник: Национальный архив, J. 195; наш каталог, №1766.

[66] Разорванный подлинник, Архив Кот-д'Ор (апрель 1222); наш каталог, №1715.

[67] См. соглашение Эрве с Филиппом Августом в 1215 году относительно договоренностей по поводу будущего наследования Пьера де Куртене в зависимости от возможных обстоятельств; Мартен, т. I, стр. 1121.

[68] Собрание историков Франции, т. XIX, стр. 704. Булла от 12 июля 1230 года, наш каталог, №1620.

[69] 21 января 1222 года, согласно некрологу Невера (Гербовник Балюза, №74, л. 379 об.). Он умер в замке Сент-Эньян в Берри и был погребен в Понтины, в капелле Святого Фомы Кентерберийского, где до 1715 года можно было прочесть эту надпись:

Hic lapis Hervei comitis celat faciei

Formam, forma Dei clarificetur ei.

(Здесь камень скрывает облик графа Эрве,
Да прославится ему облик Божий.)

[70] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 256; наш каталог, №1699.

[71] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 236; три документа; наш каталог, №1700—1702.

[72] Подлинник: Национальный архив, J. 217; наш каталог, №1745.

[73] Август 1223; Национальный архив, J. 253; наш каталог, №1746.

[74] Подлинник: Национальный архив, Сокровищница хартий, J. 193 и J. 195; наш каталог, №1767, 1768.

[75] Наш каталог, №1769—1770.

[76] Дом Планше, т. II, документы, XVI; наш каталог, №1815.

[77] А. Дюшен, «Дофины Вьеннские», документы, стр. 14; наш каталог, №1863.

[78] Перар, стр. 410; наш каталог, №1864.

[79] Гарнье, «Хартии коммун», т. II, стр. 7—10; наш каталог, №1873.

[80] Маргарита де Вьенн вступила во владение Саленом после смерти своего отца Гоше IV 3 августа 1219 года.

[81] Аббат Гийом, «История сеньоров де Салин», т. I, документы, стр. 406—407.

[82] Жоссеран II де Брансьон был женат в 1164 году на Аликс де Шалон, сестре Гийома II, графа де Шалона, и, следовательно, был зятем Беатрис, дочери Фридриха Барбароссы. Жоссеран III де Брансьон состоял в родстве с герцогской семьей.

[83] См. рассказ (т. III, стр. 213—216) о борьбе между Этьеном III, графом Осонским, и Оттоном, герцогом Мерании.

[84] Участие Этьена в этой продаже несомненно; он был родственником, другом и советником Маргариты де Вьенн. См. аббат Гийом, «История сеньоров де Салин», т. I, документы, стр. 107.

[85] Февраль 1225 (1224 старого стиля). См. аббат Гийом, «История сеньоров де Салин», т. I, документы, стр. 101 и далее.

[86] Аликс де Дрё вторично вышла замуж в 1231 году за Ренара, сеньора де Шуазель, с согласия Юга де Монреала, епископа Лангра. Ренар де Шуазель умер в 1239 году, а Аликс — в 1257 или 1258 году (аббат Гийом, «Общая история сеньоров де Салин», т. I, документы, стр. 101).

[87] Февраль 1225; наш каталог, №1806.

[88] Жан де Шалон, сын Этьена, женился в 1214 году на Матильде Бургундской, сестре герцога Эда III.

[89] Одна из статей этого договора 1216 года, каталог, №1366.

[90] Обри де Труафонтен.

[91] Подлинник: Национальный архив, J. 198 A, документ с печатью; наш каталог, №1835.

[92] Национальная библиотека, фонд Колбера, №57, л. 198.

- [93] Национальная библиотека, фонд Колбера, №57, л. 531—532.
- [94] Национальная библиотека, фонд Колбера, №57, л. 38 об.
- [95] Эд. Клерк, «Очерк о Франш-Конте», т. I, стр. 419.
- [96] Жан де Бренн был графом Маконским по праву своей жены Аликс, внучки Гийома, графа Маконского.
- [97] Подлинник: Национальный архив, J. 259, два документа; наш каталог, №1930 и 1931.
- [98] Подлинник: Национальный архив, J. 260; наш каталог, №1839.
- [99] Шиффле, «Письмо о Беатрис», стр. 105—106.
- [100] См. протесты капитулов Санса, Парижа и т. д. Райнальди, под 1227 годом, ст. 57 и 60, и Ленен де Тиймон, «Жизнь Святого Людовика», т. I, стр. 470—471.
- [101] Матвей Парижский, изд. Луарда, т. III, стр. 121.
- [102] Собрание историков Франции, т. XVII, стр. 338, Nicolaus de Braia. См. д'Арбуа де Жюбенвиль, «История Шампани», т. IV, стр. 204.
- [103] «Деяния Людовика VIII», у Дома Букэ, т. XVII, стр. 309 с.
- [104] Матвей Парижский, т. III, стр. 121.
- [105] Филипп Муске, стихи 25202—26218, изд. Райффенберга, т. II, стр. 516.
- [106] Шиффле, «Письмо о Беатрис», стр. 105.
- [107] Шиффле, «Письмо о Беатрис», стр. 106—107; наш каталог, №1847 и 1848.
- [108] Договор от 16 июня 1227 года, заключенный в аббатстве Без, упоминает этот факт, см. наш каталог, №1867, 1869, 1870.
- [109] Действительно, примерно на Пятидесятницу, как пишет Обри де Труафонтен, был освобожден Генрих, граф Бар-ле-Дюк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.